

Говард осторожно открыл глаза, его пульсирующей голове не помог солнечный свет, проникающий в спальню через частично открытые шторы. Во рту пересохло, вкус был как у подмышек шлюхи, а изо рта, наверное, пахло еще хуже, подумал он, пытаясь сквозь прищуренные глаза понять, где он находится.

Вчера вечером он был на дне рождения Джоанн, его заставили пойти с ней в качестве "плюс один", хотя он не знал никого из гостей. Именинницей была девушка, с которой она работала, и Джоанн изначально пригласила около дюжины гостей на ужин. К сожалению, количество выпитых напитков вскоре сделало предложение продолжить поход в ночной клуб хорошей идеей.

К тому времени, когда они с Джоанн решили идти домой пешком, оба были пьяны в стельку, Джоанн держалась за его руку, пока они шатались. Такси доставило бы их к дому менее чем за десять минут, трезвый он мог бы дойти пешком за пятнадцать, но им потребовалось почти сорок минут, чтобы преодолеть этот путь.

Закрыв глаза от света и осторожно потирая виски, он начал вспоминать отдельные моменты предыдущего вечера. Он подумал, что ему следовало бы остаться на бутылках пива, а не переходить на стаканы с водкой и колой, которые так легко скользили вниз, пока багровый воздух летнего вечера не ударил его как молотком, когда они вышли в конце вечера.

Их разговор, пока они шли, состоял из обычной ерунды, которую обычно несут пьяные, половина из них была бессвязной, пока они не перешли к теме отношений. Ни у одного из них в настоящее время не было партнера, и Джоанн пошутила, что им стоит притвориться, что они только что "притянули" друг друга. Их шутки переходили из одной в другую, каждый из них старался превзойти другого комплиментами или не к месту сказанными замечаниями.

Когда Говард затащил ее в дверной проем магазина и пригрозил поцеловать, они оба закричали от смеха, а через пять минут, когда она затащила его в дверной проем и действительно сделала это, он был ошеломлен. Поцелуй был другим, он был чувственным и возбуждающим, ему было странно целовать кого-то старше себя.

Когда они вернулись домой, он вдруг вспомнил, что на этот раз он поцеловал ее, когда она с удивлением начала расстегивать пуговицы его рубашки, ее руки извивались внутри, когда она проводила ими по его груди и пощипывала его соски. Он, конечно же, ответил, его рука взяла ее грудь, восхищаясь ее ощущением и формой, нежно сжимая и потирая то место, где, по его мнению, должен был находиться сосок.

Была долгая пауза, когда они смотрели друг другу в глаза, пытаясь понять, думает ли другой о том же, а затем вместе поднялись по деревянному холму в ее спальню. Когда она разделась, он поразился тому, как хорошо она выглядит, ее фигура по-прежнему сексуальна и маняща, пока он раздевался, ее руки были повсюду на нем, пока, наконец, они оба не оказались обнаженными, когда он повел ее на кровать.

Ее влагалище уже было влажным, и его эрекция легко вошла в нее. Вначале они оба были

нежны в своих прикосновениях и поцелуях, но по мере того, как их возбуждение нарастало, чистое возбуждение от того, что они делали, взяло верх, и она попросила его трахать ее быстрее и жестче. Член Говарда бил по ее животу, его руки ласкали ее сочные груди, их рты сливались, языки исследовали друг друга, и их занятия любовью становились все более похожими на скрещивание животных.

Когда Джоанн напряглась и извивалась под ним в оргазме, он наполнил ее киску своим кремом, извергая из ее влагалища сдерживаемую похоть, которую он изо всех сил пытался излить.

"О, черт возьми", - подумал Говард, осознавая, что он натворил. Он открыл глаза и огляделся: это была не его спальня, а спальня Джоанны. Он повернул голову и уставился на обнаженную спину женщины, которая лежала рядом с ним и все еще спала.

"Что, черт возьми, мы натворили?" - поразился Говард, продолжая смотреть на Джоанн, давая осознать, что он занимался сексом и спал со своей матерью.

Подкравшись к ее кровати, он как можно тише открыл и закрыл дверь ее спальни, стараясь изо всех сил не разбудить ее, пока не придет в себя от того, что произошло прошлой ночью. Никогда за миллион лет он не подумал бы о ней как о человеке, который может возбудить его сексуально, в обычной одежде она была просто его матерью, но прошлой ночью, после выпивки и сексуального платья, которое она надела, было легко увидеть в ней зрелую желанную женщину.

Когда Джоанн появилась, она снова была его матерью, без макияжа, со взъерошенными волосами и в старом халате, она совсем не походила на сексуально привлекательную женщину предыдущей ночи. Сидя рядом с ним за барной стойкой, зарывшись головой в руки, она стонала про себя, пока перед ней шипел стакан с бикарбом.

Больше никогда. Моя чертова голова раскалывается. Как мы добрались домой? спросила она его.

'Мы шли пешком; разве ты не помнишь?' Говард впервые вздохнул с облегчением.

Джоанна покачала головой: "Извини. Я была так зла, что ничего не помню. Ты уложил меня в постель?"

Говард вздохнул с еще большим облегчением, возможно, это было к лучшему, его мать была бы в ужасе, если бы вспомнила то, что они делали друг с другом.

Позже, почувствовав себя немного лучше, он вспомнит их союз, и больше никогда не сможет смотреть на свою мать, не видя ее обнаженной, ее стройную фигуру и маленькие груди, обхватывающие его собственное тело, когда его член входил в ее пизду.

'Кто меня раздевал?' спросила она его, и Говард стал пунцовым, когда он признался, что помог ей раздеться и лечь в постель. 'Полностью голой?' добавила Джоанна, ее голова слегка повернулась, когда она уставилась на сына.

Она опустила вопрос, увидев на лице сына выражение чистого смущения, и решила, что в пьяном состоянии, вероятно, избавилась от своей одежды, не задумываясь о том, увидит ли он ее голой.

К счастью, она больше не упоминала об этом до конца выходных, хотя прошел почти весь тот день, прежде чем они почувствовали себя достаточно восстановленными, чтобы пообедать и поговорить друг с другом. А потом они вернулись на работу на кондитерскую фабрику: его мать - на одну из производственных линий, а Говард - в отдел информационных технологий в офисе.

В середине недели они возвращались домой, шли по городу мимо рядов магазинов, когда Джоанн резко остановилась, посмотрела на вход в один магазин, а затем покачала головой и продолжила идти домой. Она приготовила им ужин, Говард накрыл на стол, пока она готовила, а потом они сидели вместе, болтали о том, как прошел день, и ели.

Он не обратил внимания на то, что она остановилась в городе, и это не вызвало у него воспоминаний о предыдущих выходных: один подъезд магазина был похож на другой. Только после чая и когда они доедали десерт, она неуверенно задала вопрос.

В субботу вечером, после вечеринки. Я тебя поцеловал?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что застал Говарда врасплох, не дав ему возможности изменить выражение лица и не оставив выбора, кроме как ответить утвердительно.

"Как это произошло? спросила Джоанна.

Говард рассказал о глупой игре, в которую они играли в пьяном состоянии, и о том, как она немного вышла из-под контроля.

"Это повторилось, когда мы вернулись домой? спросила она. Говарда начала беспокоить перспектива того, что его мать начнет вспоминать события той ночи.

Могу я спросить, каково это - целовать твою старую маму?

Он не знал, что ответить: солгать и сказать, что это было ужасно, он не хотел причинить ей боль, и не было способа сказать, что это было неприятно, не показав, что ему противно.

Или он скажет ей правду, что ему действительно понравилось целовать ее, что вкус ее губ был сладок, а ощущение ее стройного тела, прижатого к нему, разожгло огонь в его чреслах? Может быть, правда хоть немного подтолкнет ее к тому, чтобы вспомнить, что у них был секс и

что он разделил с ней постель той ночью? Хуже того, у него не было желания разглашать, что, несмотря на попытки забыть об их связи, его самым горячим желанием в данный момент было, чтобы это произошло снова.

К счастью, на этом ее вопросы, похоже, закончились, так как следующие несколько недель превратились в месяц, который прошел без комментариев, и Говард теперь отбросил свои мысли на задворки сознания. Как бы ему ни хотелось, чтобы это случилось снова, не было никакой возможности поднять эту тему, не причинив ей беспокойства.

Все казалось хорошо, пока однажды утром, когда лето уже подходило к концу, они проснулись от звонка будильника и уже собирались на работу, когда он услышал, что его мать в ванной, и это звучало так, как будто ее тошнит.

'Все в порядке?' спросил Говард, когда она вышла, Джоанн выглядела бледной, ее кожа была липкой, и она призналась, что неважно себя чувствовала в то утро.

<http://erolate.com/book/2247/59618>